

**ПИСЬМО И. С. АКСАКОВА О. Ф. МИЛЛЕРУ
ОТ 5 ИЮЛЯ 1884 ГОДА
О СТАТЬЕ ТОГО «ЦЕРКОВЬ И ВИЗАНТИЙСТВО»**

(Публикация Д. А. Бадаляна)

Ученый-филолог, публицист, профессор Санкт-Петербургского университета Орест Федорович Миллер (1833—1889) принадлежал к числу пусть и не самых близких лично И. С. Аксакову, но самых искренних и преданных его сторонников. За свою верность памяти покойного публициста Миллер поплатился карьерой: в 1887 г. он был уволен из университета после того, как сначала с профессорской кафедры, а затем со страниц газеты «Русский курьер» противопоставил Аксакова, его деятельность и его личность, заслугам и деяниям только что умершего М. Н. Каткова.

Первое знакомство Аксакова и Миллера возникло заочно, в июне 1863 г., когда командированный за границу молодой ученый прислал из Праги свою первую корреспонденцию для газеты «День». И хотя дальнейшее участие Миллера в аксаковских изданиях нельзя назвать постоянным и плодотворным (по 6 публикаций в «Дне» и в «Руси»), их двусторонняя переписка продолжалась более 22 лет, до самой смерти Аксакова. Дошедшие до нас письма Аксакова к Миллеру 1863—1886 гг. оказались разделены между двумя архивными собраниями (РО ИРЛИ и НИОР РГБ),¹ так-

¹ Из них полностью опубликовано только одно письмо 1886 г. (Шляпкин И. А. Очерк научной деятельности профессора О. Ф. Миллера. СПб., 1889. С. 32) и фрагменты из нескольких писем Аксакова, связанных с Ф. М. Достоевским (Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881) / Публ. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 349—564).

же — и письма Миллера Аксакову (РО ИРЛИ² и ОР РНБ). Полная публикация всей двусторонней переписки подготовлена нами в 2016 г. в историко-литературном сборнике «Славянофильский архив».

Письмо Аксакова от 5 июля 1884 г. отличается от всех остальных одной важной, развиваемой через все послание, темой — отношения Церкви и государства. Что побудило к тому автора, становится ясно из самого послания: незадолго перед тем, в конце июня или самом начале июля 1884 г., Миллер обратился к выпускавшему газету «Русь» Аксакову с недошедшим до нас письмом. В нем он предлагал к печати в газете свою новую статью. Полное ее название — «Церковь и византийство. (Памяти Ф. А. Терновского и по адресу В. С. Соловьева)».

Уже в подзаголовке статьи были определены два повода для ее появления. Начнем со второго, наименее значительного — это недавняя публикация Вл. Соловьева в «Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества». Миллер откликнулся на нее, заявив в своей статье, что книга Терновского о времени Вселенских соборов позволяет с новой стороны ответить на вопрос, поднятый Соловьевым, и уже по ходу работы не раз вступал с философом в прения. У Аксакова же, как видно из его письма, это вызвало только недоумение и разочарование. Для него очевидно: спора у его адресата с Соловьевым не получилось, и стоило ли вообще вспоминать статью, автор которой выступил, по словам редактора «Руси», «с кощунственным и еретическим учением о Царской власти».

Что имел в виду Аксаков? Соловьев в своей статье отстаивал «самостоятельную власть христианского Царя и его особое значение в церкви».³ Как понимать это «особое значение», автор объяснил довольно кратко. Христос, по его представлению, «является в тройком значении или в трех достоинствах, которые издавна различались церковью: достоинство царя, достоинство *первосвященника* и достоинство *пророка* (не в смысле прорицателя, а в смысле

² Письма из собрания Пушкинского Дома опубликованы: Письма О. Ф. Миллера И. С. Аксакову / Публ. А. В. Малинова // Вече. 2010. Вып. 21. С. 149—172.

³ Соловьев В. С. Славянский вопрос // Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1884. № 6. С. 12. Статья вошла в книгу Соловьева «Национальный вопрос в России» (СПб., 1888. Вып. 1).

свободного вдохновенного проповедника)». В человеческом обществе согласие этих трех служений «есть подобие их совершенного единства во Христе».⁴ Если христианский Запад «сосредоточился вокруг первосвященника», то христианский Восток «избрал царя носителем единовластия, представителем единства, верховным вождем и управителем своей жизни» (третье, пророческое служение представлено в протестантизме, но на этом аспекте Соловьев предпочел не останавливаться).⁵ Уже из этого он выводил необходимость единения Востока и Запада.

Из рассуждений Соловьева о втором «служении» следовало то, что Христос «благословляет и царскую власть в человечестве».⁶ И хотя философ утверждал, что «главенство царя над церковью никак не есть догмат православия», он констатировал это как реальную ситуацию в России. Предшествовавшее этому положение в Византии он представлял следующим образом: именно «в лице христианского царя» восточное христианство сосредоточило свое единство и полностью отдало ему «внешнее представительство церкви, признав императора „наружным архиереем“, как называл себя Константин Великий».⁷

Так что же возмутило в этом Аксакова? Во-первых, вероятно, именно к неканонической идее о «тройном значении» и «трех достоинствах» Христа относятся аксаковские обвинения в ереси. Кошунством же для него явилась, скорее всего, спокойная констатация Соловьевым отношения к монарху и его власти, которое, не будучи каноническим, отражало представления некоторых православных, считавших царя главой Церкви. С примерами тому Аксаков сталкивался не раз. Так, в ноябре 1882 г. он с возмущением указал обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву на публикацию в «Литовских епархиальных ведомостях», где предводитель местного дворянства назвал императора «Державным Главой Российской Православной Церкви». Вслед за тем редактор «Руси» восклицал: «Поди тут, спорь после этого с католиками о цезаре-папизме или с раскольниками».⁸ Заметим, кстати, что в этом же самом письме

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ <И. С. Аксаков — К. П. Победоносцеву. 11 ноября 1882 г.> // Русская литература. 2006. № 1. С. 113. — Прил. к ст.: Бадалян Д. А. Газета И. С. Аксакова «Русь» и цензура.

Аксаков объяснял обер-прокурору необходимость свободы обсуждения религиозных вопросов и в связи с этим важность публикации статьи Соловьева «О Церкви и расколе», которая вызвала серьезное недовольство Победоносцева и его замечание цензуре.⁹

Еще в 25-летнем возрасте Аксаков, отвечая на вопросы III отделения, заявил: «Народ смотрит на царя как на самодержавного главу всей пространной русской православной общины».¹⁰ Это была своего рода компромиссная формулировка, вполне приемлемая и для автора, и для верховной власти.

Спустя около 20 лет Аксаков не только не видел в императоре главы Церкви (что естественно для христианина), но и не находил в монаршей власти никакой религиозной основы. «Самодержавие не есть религиозная истина или непреложный догмат церкви», — писал он в конце 1860-х гг. в одной из неопубликованных статей.¹¹ Здесь же Аксаков отмечал, что русские монархи «не затрудняются посягать на независимость церкви под формами, мало доступными народному разумению». Более того, он утверждал: если, преступая нравственные пределы, самодержавие вторгается «в сферу церковную» и «область личной совести и личной свободы человека», то оно «переходит в уродство, становится узурпацией тиранией». И тут же заключал: «Таково оно и есть в России со времен Петра».¹²

Понятно, что идеи Аксакова принципиальным образом отличались от воззрений на власть большинства православных подданных и, что еще важнее — от официальной идеологии, утверждавшей: «Царь — помазанник Божий». Для Аксакова же источник царской власти — не помазание и не сам царь, а народ.¹³ Впрочем,

⁹ Там же. С. 103. Первая публикация статьи Соловьева: Русь. 1882. 18 сент. № 38. С. 9—14; 25 сент. № 39. С. 10—14; 2 окт. № 40. С. 10—15.

¹⁰ «Вопросы, предложенные И. С. Аксакову III отделением» // Аксаков И. С. Письма к родным 1844—1849. М., 1988. С. 500.

¹¹ Аксаков И. С. Почему так нелегко живется в России? М., 2002. С. 897.

¹² Там же. С. 898.

¹³ В частности, схожую мысль он пытался выразить в 1874 г., обратившись к биографии Ф. И. Тютчева. Однако это и другие острые суждения о власти были исключены цензурой с ведома Александра II. См. подробнее: Бадалян Д. А. Книга И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева» и цензура (по материалам Главного управления по делам печати) // Аксаковские чтения: Материалы XI Всерос. науч. конф. (Уфа, 2 октября 2009 г.). Уфа, 2009. С. 69—74.

подчеркнем: это не отменяло для него смысла всенародной молитвы о благословлении Божиим для царя.¹⁴

Как в то время воспринималась царская власть в самой Церкви? Вот позиция, пожалуй, самого яркого и авторитетного ее представителя, описанная протоиереем Г. В. Флоровским: «У Филарета была своя государственная теория, теория священного царства. Но она совсем не совпадала с официальной и официозной доктриной государственного суверенитета. „Государь всю законность свою получает от церковного помазания“, т. е. в Церкви и через Церковь. И помазуется только Государь, не государство. Поэтому органы государственной власти не имеют никакой юрисдикции в делах церковных. Филаретовский образ мыслей был вполне далек и чужд государственным деятелям Николаевского времени. Филарет им казался опасным либералом».¹⁵

Тем не менее было время, когда Аксаков считал митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) адептом государственной идеологии и в одном из писем 1853 г. называл владыку «официальным витией».¹⁶ Заметим попутно, что более наблюдательным в отношении к митрополиту оказался в то время А. И. Герцен. В 1856 г. на страницах «Полярной звезды» он вспоминал прошедшую Николаевскую эпоху: «Филарет представлял какого-то оппозиционного иерарха [...] Филарет умел хитро и ловко унижать временную власть; в его проповедях просвечивал тот христианский, неопределенный социализм, которым блистали Лакордер и другие дальновидные католики».¹⁷

¹⁴ Аксаков И. С. Почему так нелегко живет в России? С. 897.

¹⁵ Флоровский Г. В., *прот.* Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 201. Об отношении митрополита Филарета к царской власти см.: Фирсов С. Л. «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825—1861 гг. // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. статей / Под ред. Ю. Н. Солонина.* СПб., 2004. Вып. 1. С. 142—172.

¹⁶ Об отношении Аксакова к митрополиту Филарету в 1840-е—1850-е гг. см.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 167—169, 174.

¹⁷ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 130. Жан-Батист-Анри Лакордер (Lacordaire, 1802—1861) — католический проповедник, член Французской академии. Бывший адвокат с репутацией вольтерьян-

Однако на рубеже 1850-х—1860-х гг. (т. е. именно когда Аксаков вынужденно принял на себя роль идеолога пореформенного славянофильства, и это повлияло на его дальнейшую эволюцию) отношение его к митрополиту Филарету претерпевает изменение. Первым знаком тому являются письма Ивана Сергеевича 1861 г., в которых он, весьма резко описывая положение в Церкви, с уничижением отзываясь о Св. Синоде и его руководителях, ни слова не произносит о владыке Филарете. Так, в ноябре 1861 г., когда Аксаков только начал издавать еженедельник «День», он писал гр. А. Д. Блудовой: «Моя газета нападает на материализм, но она же, при первом удобном случае, нападет и на Св. Синод с графом Т^{ол}стым), с князем У^{русовым}), с Аскаченскими, Барковыми и т. д. Они хуже, они более принесли зла, чем материалисты; материализм есть совершенно законное противодействие холопству и официальности, внесенной в область веры, и т. д.»¹⁸ Еще несколькими годами ранее в такой ситуации Аксаков не преминул бы вспомнить и митрополита Филарета.

Окончательно отношение Аксакова к митрополиту Московскому изменится спустя немного лет. И в 1867 г. в газете «Москва» Аксаков назвал еще здравствующего тогда владыку «светильником высокого ума, знания и всем явной жизни», а также «огромной духовной силой, охраняющей, из себя самой почерпая власть, неизменность обычая и целостность духовного предания».¹⁹

В 1883 г. у Аксакова появился повод вспомнить свою давнюю публикацию. 9—11 января (во время празднования 100-летия митрополита Филарета) газета «Новое время» поместила статью, содержащую резкие инвективы в адрес покойного владыки. Автором ее был историк Церкви, профессор Киевской духовной академии Ф. А. Терновский (1838—1884). Вскоре ее текст перепечатали газеты «Новости», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Совре-

ца, в 1827 г. он принял сан, отстаивал политические свободы и независимость Церкви от правительства.

¹⁸ И. С. Аксаков в его письмах. М., 2004. Т. 3. С. 365. Ср. аналогичные утверждения и аналогичное отсутствие упоминаний Филарета в письме Аксакова кн. Д. А. Оболенскому от 20 марта 1861 г. Здесь Аксаков, в частности, заявил об обер-прокуроре Св. Синода гр. А. П. Толстом: «Если дать волю ему и Св. Синоду, так через 5 лет не останется ни одного верующего в Русской земле: так умеют они омерзить Православие» (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 51 об.).

¹⁹ Аксаков И. С. Собр. соч. М., 1887. Т. 7. С. 691.

менные известия», Аксаков же, напротив, опубликовал в «Руси» свою статью 1867 г., добавив к ней обрамление в виде вводной и заключительной частей. И здесь, если он и указывал на свою оппозицию, то уже не митрополиту Филарету, а его противнику обер-прокурору Св. Синода — и, как иронично подчеркивал он, «гусарскому полковнику» — гр. Н. А. Протасову, одному из деятелей столь нелюбимого славянофилами «петербургского периода нашей истории».

Этот сюжет имеет значение еще и потому, что непосредственным поводом для написания статьи Миллера и для публикуемого здесь письма к нему Аксакова явилась книга того же Терновского. После появления в «Новом времени» скандальной статьи профессор лишился кафедр в Духовной академии и в Киевском университете. Для него оставались возможны лишь деятельность в качестве действительного члена Киевской Археографической комиссии и подготовка отдельных газетных публикаций.²⁰ 23 мая 1884 г. Филипп Алексеевич скончался, и последним крупным его трудом стала изданная в 1883 г. книга «Грековосточная церковь в период вселенских соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842)». К ней и обратился Миллер. Его статья — это не рецензия в точном смысле слова, а попытка размышлений об отношениях Церкви и государства в византийскую эпоху и не только тогда. Попытка, прямо скажем, не вполне состоявшаяся, о чем говорит хотя бы обилие прямых и косвенных цитат, позаимствованных в книге Терновского. Уж слишком по-школярски решал свою задачу профессор филологии. Именно это, а отнюдь не заключения Миллера (так же как и Аксаков, с сожалением и болью, отмечавшего зависимость Церкви в ее отношениях с государством) вызвало решение редактора «Руси». Отказавшись опубликовать статью Миллера (заметим, не в первый раз за их долгие отношения), Аксаков стремился объяснить свой отказ как можно точнее и подробнее. В этом-то и заключается главная ценность письма, открывающего для нас нюансы аксаковской позиции в столь сложном и остром вопросе.

²⁰ См. о Ф. А. Терновском: Памяти проф. Филиппа Алексеевича Терновского (по поводу 25-летия со времени его смерти) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1911. Кн. 22, вып. 1—2. С. 44—69.

Подчеркнем: говоря, что обсуждение подобных проблем должно протекать не на газетных полосах, Аксаков призывал автора быть тоньше и осторожнее в оценках даже таких исторических деятелей, как император Юстиниан. И это при том, что именно славянофильскому публицисту, казалось бы, надлежало обрушиться с критикой на правителя, который «первый отчетливо противопоставил народной воле „милость Божию“ как источник верховной власти». И ведь именно от Юстиниана берет начало неразделяемая Аксаковым теория об императоре, «получающем благодать прямо от Бога и стоящем над государством и над церковью».²¹

Как воспринял отказ и аргументы редактора «Руси» Миллер? В его известных нам письмах, дневниках и воспоминаниях (хранящихся в РГАЛИ) нет никаких фактов, говорящих о его обиде. Спустя несколько месяцев работа Миллера увидела свет в журнале «Киевская старина»,²² но прежде автор внес в нее как минимум несколько исправлений, на которые указал ему Аксаков (см., например примеч. 12). Вероятно, после того же письма Миллер добавил в статью цитаты из «Записок о всемирной истории» А. С. Хомякова. Впрочем, при этом он выбрал именно те места, которые должны были подкрепить его критический взгляд на положение Церкви в Византии, а ведь отношение Хомякова к византийскому христианству отличалось удивительной диалектической уравновешенностью (на что и указывал Аксаков). Примером этому служат не только его «Записки...», но и статья «О старом и новом» 1839 г.

8 ноября 1884 г. Миллер выслал редактору «Руси» оттиски своей публикации в «Киевской старине», о чем известно из его краткого сопроводительного письма.²³ Косвенно это подтверждает наше предположение о том, что автор не был уязвлен отказом Аксакова и учел некоторые из его замечаний. Иначе стоило ли предлагать ему читать уже знакомый текст?

Письмо Аксакова Миллеру публикуется впервые по автографу, хранящемуся в рукописном отделе РО ИРЛИ: Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 45—48 об.

²¹ Гревс И. М. Юстиниан // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. / Ред. кол. С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М., 1995. Т. 3. С. 288.

²² Киевская старина. 1884. Т. 10, нояб. С. 419—446.

²³ Письма О. Ф. Миллера И. С. Аксакову. С. 167.

Первая половина письма написана черными чернилами, вторая, отдельные вставки и дата вначале — синими чернилами. Курсивом выделены слова, подчеркнутые в оригинале. Орфография и пунктуация приближены к современным.

В комментариях при цитировании статьи Миллера частично сохранены его ссылки (в виде цифр в скобках) на книгу Терновского. Ссылки на статью самого Миллера (по публикации в «Киевской старине») даны также в скобках, но с обозначением «с.».

Письмо И. С. Аксакова О. Ф. Миллеру

5 июля 1884 г.

Многоуважаемый Орест Федорович.

Получил я Ваше письмо, а затем и Вашу статью. Нечего и говорить, что я в главных основаниях с Вами согласен, но Вы ставите непременно условием: ничего не изменять и не пропускать, и на это условие я не могу согласиться. Сначала по Вашему письму я думал, что содержание статьи — Соловьев, который выступил в 6 № «Известий» с кощунственным и еретическим учением о царской власти,¹ — но выходит, что Соловьев является у Вас эпизодически, а проповеди его о католицизме Вы, право, только *даете оружие* в руки! Односторонним освещением церковной истории Византии, т. е. сосредоточив на ней тень чернее ночи, Вы тем ярче осветили преимущество папства, как власти церковной, от государственной власти *независимой*. Впечатление от Вашей статьи такое, что папство все-таки несравненно лучше, при всех своих недостатках, которые затем уже нетрудно оправдать или извинить или признать лишь подлежащими некоторому исправлению. Будьте уверены, что Соловьев Вашей статье только обрадуется. Ведь его «Царь» — это вторая часть общей схемы; первая — покаяние Восточной церкви перед Римом. Значит ли это, что не следует разоблачать мерзости византийские? Нисколько не значит. Разоблачать следует, но не так, как делаете Вы. Вы ссылаетесь часто на Хомякова, но, к сожалению, приводите из него только три слова.² Вы, конечно, однако знаете, что рядом с жестоким укором, у него и историческое разъяснение, а вместе с тем *ярко указана и заслуга Византии*.

Но не в этом дело. Многому, что может появиться в серьезном ученом труде, не место на летучих страницах *газеты или журнала*. Ваша статья — *религиозный памфлет*, в котором Вы довольно заносчиво дергаете самые заветные сердечные струны русской верующей массы, а потому произведете, нежелаемый и для Вас самих, не только скандал, но и соблазн. Вы хотите в *газете* разом развенчать и *ошельмовать* целый сонм святых Православной Церкви, чтимых русским народом около тысячи лет. Св. Константин — скотина,³ св. Ирина — мерзавка,⁴ Юстиниан — мошенник,⁵ Феодосий — каналья....⁶ Да мои приятели раскольники и единоверцы съели бы меня, стали бы меня чураться как богохульника! Нельзя так обращаться с *общественным мнением* церкви, плевать на него публично. Вообще этому должен бы предшествовать целый трактат о значении «святых» (это не догмат), о канонизации и т. д. Творить над ними *суд* литературный, разжало-вать их почерком пера публициста, с плеча, из святых в негодяев — по меньшей мере, неприлично. Если Вы станете перебирать всех чтимых Церковью, так в девяти десятых найдете Вы многое, что не подойдет под Вашу мерку. Псалмопевец Давид делал великие мерзости, а Моисей — какие жестокие законы издал! Они не христиане — скажете Вы, но чтутся христианами, да и закон нравственный ведь на сердцах написан: убить мужа, чтоб взять его жену, как сделал Давид, — это, и не будучи христианином, всякий сознает скверным.

Но Христос — сын Давидов, и Моисей беседует с Христом, вместе с Илией, на горе Фавор. Апостол Петр три раза отрекался от Христа! «Разве это значит облекаться во Христа» повторяете Вы, подводя упоминаемых у Вас святых под батарею текста: «елицы во Христа крестистесь»⁷. Но кто же может сказать о себе и о другом, что он действительно во Христа облекся!.. Свобода личного мнения и суда в Церкви по принципу — *безусловная*, но она ограничивается *смирением* и братскою *любовью*; а вот первого-то и нет в Вашей статье.

Вы осмеиваете в статье тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя»⁸ и проч. Тоже не признаю удобным, вспоминая в особенности, как в 1876 г. по улицам Москвы толпы народа, проводив добровольцев и походную церковь в Сербию, пели этот тропарь перед домом генер(ал-)губ(ернатора),⁹ пред Иверской и на Красной площади.¹⁰ Этот тропарь заставлял наших солдат в 1877 г. творить чудеса.¹¹

Если книга Терновского могла увидеть свет, так надо радоваться той свободе, которую уже обрело у нас печатное слово, — но не употреблять ее во зло. И повторяю: иное дело ученая книга, и иное дело — площадной возглас или газетная статейка. Сегодня же куплю книгу Терновского и прочту ее. Но в одной из Ваших цитат есть выражение, которое так меня и обдало духом новейшей несколько пошловатой современности: «*благородный* образ мыслей Григория Богослова»...¹² Неужели Вы не чувствуете, что это выражение — *stinkt*,* как говорят немцы? В этом одном слове целое откровение. Может быть, там же встречается выражение: «либеральный образ мыслей» такого-то Отца Церкви или Христа самого. И Вас это не коробит?

Я очень уважал заочно Терновского, хотя не читал его книг, но две статейки его мне не понравились; одна о Филарете, — довольно бестактная, на которую я возражал,¹³ и другая, которую мне переслал отец Лебединцев из Киева,¹⁴ не говоря от кого, и которую я поместил, но с возражением, и довольно резким.¹⁵ После уже я узнал, что это — Терновского...**

Ни под каким видом не могу я допустить ссылку на Л. Толстого.¹⁶ Вы ссылаетесь на его сочинение как на что-то известное и признанное, тогда как это предмет самых разнообразных слухов и толков. Упомянув имя Толстого, «Русь» обязана высказать свое мнение и о самом сочинении. А Вы знаете, что этого нельзя.¹⁷ Наконец в его «богословских» сочинениях несостоятельность его как мыслителя и наивность равняются по силам разве лишь богатырскому его таланту. Ему не хочется признать *чуда*, он и измыслил толкование на чудо о пяти хлебах,¹⁸ но это истолкование дает лишь понятие о том, чего прообразом было само чудо. Странно вообще в полемике о Церкви ссылаться без всяких оговорок на человека, отрицающего воскресение Христа, загробную жизнь и т. д.

Вы глумитесь над союзом Церкви и государства, и Вы правы, если под этим разумеете византийское или соловьевское толкование. Но Вы не определяете их взаимных отношений, и читатель в недоумении, ибо господствующее либеральное мнение такое: «l'Etat est athée».^{***} Это ведь опять ложь, уже потому что атеизм своего рода *религия* — отрицания. Государство само по себе

* Дурно пахнет (нем.).

** Далее письмо написано синими чернилами.

*** Государство — атеист (фр.).

не имеет религии; оно есть в христианском мире лишь политическая форма существования *христианского народа*; власть — *прикладная сила христианского общества*. Не государство исповедует веру, а народ, и поставленные народом власти служат лишь выражению народного духа. В христианском мире государство не есть само по себе цель; над ним носится цель высшая, в отношении которой оно обретается в нравственноподчиненном отношении. Его призвание упраздниться и уступить место Церкви, но до этого еще далеко, и пока человечество вынуждено жить компромиссами между идеалом и правовым порядком. Идеал потому и идеал, что он не вмещается в данную минуту; иначе он не был бы и идеалом. Этот идеал живет в русском народе (благодаря, между прочим, православию), вот почему ему так чужда *законность*, т. е. принцип юридический, — вот почему и любит он *единоличную* власть с христианскою совестью.

В некоторых случаях участие государя в делах Церкви может быть допущено как представителя *мирян* или своего народа. Так отчасти и было в Древней Руси. Но тут трудно даже приискать и формулу. Наши современные полицейские законы относительно охраны религии звучат фальшиво. Законы Уложения¹⁹ — истинно ужасные и безобразные — поражают искренностью и наивностью. Когда читаешь статьи о богохульниках с подробным изложением хулы, то сомневаться нельзя, что и сам царь Алексей, и бояре, и дьяки, и подьячие сами содрогались от ужаса пред сим грехом, крестились со страху, и в пот их бросало.

Все это — *История*. А история есть повесть о человеческих гадостях, пакостях и несовершенствах, с одной стороны, и с другой — о том, как сила Божия в немощи совершается, мудрость Божия в глупости и пошлости, благодать Божия в человеческих злодействах (т. е. обращение самого зла в благо)! История Церкви с *внешней* стороны тоже гадость. Я удивляюсь, как никто не взял историю Церкви с внутренней ее стороны. «Сокровенный „сердца“ человек — еже есть пред Богом драгоценно», — говорит апостол Петр.²⁰ Тоже можно сказать и про человечество. *Историю* же надо судить с *исторической* точки зрения, мерить исторической мерой.

Мне странно, что до сих пор продолжают тыкать в лицо историческому человечеству первые века христианства или первоначальные, апостольские общины. Забывают, что этим общинам с полáгоря было существовать — в качестве *оазисов* языческого мира. Они не несли на себе тяжести государственного бытия;

весь *opus** и весь *odium*** государства лежал на язычниках, которые (когда не гнали христиан) доставляли им тихое и безмятежное житие, ограждая от воров, разбойников, внешних врагов, доставляя им чрез соиздание публичных водопроводов воду, обеспечивая торговлю, где можно было и Павлу продавать свои корзинки. Но когда целые народы вошли в ограду церковную, почти поголовно весь личный состав государства принял христианство, дело переменялось: катихизировать миллионы стало невозможно, толкать их в шею вон из ограды было бы так же и невозможно и неразумно: пришлось принимать их как *младенцев*. Массы и до сих пор младенчают, — да и две тысячи лет для человечества, — это период молочных зубов! Пришлось вместе с тем самым христианам думать о публичных водопроводах, устраивать полицию для ограждения от злых людей, не допускать внешних врагов, и проч. и проч. Вот тогда и явилась потребность в отшельничестве, в монастырских общинах — оазисах среди младенчающего, полужизического христианского общества.

Для человечества указаны Христом два пути: личный и общечеловеческий, или личный и *исторический*. Личное спасение и приближение к Богу — возможны каждому, всегда, во все времена, несмотря на неравенство культур: «*Царство Божие внутри вас есть*», — сказал Христос.²¹ И в тоже время Христос же говорит: «*Царствие Божие подобно зерну горюшному или „подобно есть квасу“ (дрожжам), который и бродит „дондеже тесто вскиснет“*». ²² Противоречат ли эти тексты с первым? Нисколько. Они относятся к *историческому* развитию человечества. Оно и бродит, и киснет, а когда вскиснет, тогда и конец миру или наступит Царствие Божие. Мне сдается, что первоначально даже апостолы не ясно сознавали всемирно-историческое призвание христианства, чем объясняется отчасти и это чаяние скорого пришествия Христа. Вы упоминаете про Иерусалимскую общину, где все было общее и т. д. Она дана как *прообраз*. Сначала, может быть, и действительно казалось возможным существовать таким образом и в этом виде исполнить завет Христов. Но сами апостолы, конечно, по внушению Духа, сообразили, что христианство призвано ко всемирно-исторической судьбе и не может выразиться в Иерусалимской общине как в своей законченной формуле. Сами

* Труд (*лат.*).

** Ненависть, отвращение (*лат.*).

они разомкнули эту общину и разошлись по вселенной. *Для христианства началась история: началось квашение человечества (а община была уже нечто готовое, вскисшееся).* Настоящее же квашение и настоящая история начались со смертью апостолов, и главным образом со времени сочетания христианского общежитательства с формами государственного бытия. Нечего поэтому и удивляться «понижению нравственного уровня христианского общества с IV века»...²³ Задача представилась христианству мудреная, помудреннее предшествовавших веков. Здесь (по отношению к общечеловеческому развитию) является место и для христианской культуры, и для различных ее исторических степеней. Эти различные степени отражались и в истории Церкви, и в каждом человеке, независимо от его личных счетов с Богом. Задача Церкви, во 1-х, содействовать личному спасению отдельных душ, во 2-х, сохранить самый идеал в чистоте, возносить вечно горящий светоч, — и нельзя не видеть благодати Божией в том, что и Слово Божие сохранилось нам в течение 2-х т(ысяч) лет, и возможность личного спасения, и не перестает Истина Божия квасить человечество. Но нужно выплыть наружу всем глубинам сатаниным. Инквизиция и прочие гнусности — это еще не глубина. Глубина является в наше время в *лжеподобии* христианства. Гуманизм, цивилизация, либерализм, — ну словно Христос! А тут вот и сидит антихрист, «дух лестчий», по слову Иоанна.²⁴ Происходит самая коварная *подта-совка идеалов*.

Вот почему мне и не очень по сердцу вся эта проповедь наших «либералов». Но я делаю большую глупость, что пустился излагать все это в письме. Не высказал и десятой части того, что следовало бы, и потому вижу, что все вышло неясно и неубедительно. Мне хотелось только убедить Вас в том, что плевелы надо исторгать осторожно, чтоб не погубить пшеницу,²⁵ а Ваш прием такого рода, что может вызвать подражателей весьма неловких и неразборчивых. Вот Арсений Кутузов в «Р(усском) курьере» вздумал во имя Христа ругать Россию за последнюю войну: не христианское дело, противоречие Евангелию и проч.,²⁶ а Лев Толстой учит, что если кто-либо станет при вас насиловать вашу дочь, вы должны «не противиться злу» и допустить насилдование (sic: этот вопрос был ему предложен).²⁷ Так и хочется им сказать: «Не вси учителя бывайте».²⁸ Ругая Византию, не следует забывать, что все-таки ей обязаны мы принятием христианства, и когда прочтете Вы у Нестора гимн радости по случаю Крещения Руси,²⁹ в эту минуту за-

молкает братоненавистное слово. Виновны греки, но они нам близкие братья по духу и ближе латинян.

Искренно сожалею, что вынужден возвратить Вам статью. Напрасно Вы думаете, что Хомяков ее бы напечатал. Он не любил неводержанности в слове и очень осуждал за это покойного брата,³⁰ как Вы может видеть в каждом № «Р(усского) архива».³¹

Ваш Ив. Аксаков.

¹ Имеется в виду статья Вл. С. Соловьева «Славянский вопрос» в журнале «Известия С.-Петербургского Славянского благотворительно-го общества» (1884. № 6. С. 3—11).

² В своей статье Миллер неоднократно ссыался на слова Хомякова из его «Записок о всемирной истории». Оттуда же взят эпиграф к статье: «Одно только невежество может смешивать церковь, т. е. строгое и логическое развитие начала христианского, с обществами, признающими, но не воплощающими его» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1873. Т. 4. С. 417). Еще прежде Миллер цитировал эти слова в статье «Славянофилы в истории русской общественной мысли», опубликованной в журнале «Русская мысль» (1880. Кн. I).

³ Константин Великий (Флавий Валерий Константин) (274—337) — римский император. В 313 г. издал эдикт о веротерпимости (Миланский эдикт), положивший конец гонениям на христиан. Организатор и активный участник I Вселенского (Никейского) собора (325 г.), на котором произошел разгром арианства. Крещение принял перед смертью, причислен к лику святых как равноапостольный. Миллер писал о нем: «...была полоса, когда и сам Константин Великий, считая православных уже достаточно удовлетворенными постановлениями Никейского собора, ждал от них некоторых уступок арианам (недаром же и историк его был в душе арианин), но, встретив сопротивление православных принятию в общение ариан, он прибег к репрессивным мерам, имевшим целью научить, что определения самодержца, направленным к защите истины, противиться не должно» (С. 429). Историк, о котором говорит Миллер, — Евсевий Кесарийский (Памфил) (ок. 275—339) — епископ Кесарии, церковный писатель и ученый, автор речей, прославлявших императора Константина.

⁴ Ирина (ок. 752—803) — императрица из Исаурийской династии, первая в Византии самодержавно правившая женщина. Получила власть, после того как в 797 г. свергла и приказала ослепить своего сына императора Константина VI. На VII Вселенском соборе канонизирована за восстановление иконопочитания. В связи с Ириной Миллер рассказывал: «...Константин VI возненавидел жену свою Марию по навету своей матери Ирины, желавшей привести сына во всеобщую ненависть, и принудил жену постричься, сам же незаконно женился на Феодоте кубикulario (фрейлине Ирины) и венчал ее на царство. Придворный иерей Иосиф совершил царское браковенчание, а патриарх Тарасий заблагорассудил

покрыть снисхождением и молчанием совершившийся факт... В конце концов приверженцы Ирины (монахи) достигли своего желания: царь по милости матери потерял власть и зрение, а Ирина осталась единодержавной...» (с. 434).

⁵ Юстиниан I Великий (Флавий Петр Савватий) (ок. 483—565) — император, создатель обширного законодательства о церковном устройстве, организатор V Вселенского Собора (553 г.). Стремясь распространить единую веру на всю империю, поставил язычников вне закона. Объявил себя «учителем веры и главою церкви». В 532 г. подавил крупнейшее в истории государства восстание «Ника». Канонизирован. Ссылаясь на факты, приводимые Терновским, Миллер писал: «Можно ли считать „облекшимся во Христа“ Юстиниана, если при усмирении бунта в Константинополе воины его избили до 30 000 византийцев, виноватых и правых (269), а для отлучения императора от Церкви только не нашлось второго Амвросия?» (С. 426). Миллер имел в виду Амвросия Медиоланского. По преданию (восходящему к рассказу Феодорита Кирского), после того как император Феодосий жестоко расправился с восставшими фессалоникийцами, Амвросий отлучил того от причастия. Императору пришлось публично принести покаяние. В другом месте Миллер пересказывал: «Юстиниан, говорит Терновский, был самым крупным представителем того отношения Государства к церкви, которое известно под характерным именем *цезареопапства*... Если царь есть помазанник Божий, избранный и вдохновляемый самим Богом, то понятно, что царские полномочия простираются и на область дел религиозных. 1) Царь может и должен покровительствовать церкви в лице ее служителей. 2) Царю принадлежало право... замещать высшие иерархические должности. <...> 3) Иерархия господствующей церкви всегда стремилась направлять царский меч на врагов и противников церкви и на непослушных овец, не хотевших войти во двор овечий... <...> За царем оставалось право обнародовать своими указами обязательную для всех подданных норму православного выражения и заключительное решение по догматическому вопросу» (с. 432).

⁶ Феодосий Великий (Флавий Феодосий) (346—395) — император, последний правивший единой Римской империей. Издал ряд законов, предписывающих всей империи исповедовать одну веру. Организовал II Вселенский (Константинопольский) Собор (381 г.). Канонизирован. Миллер писал о нем: «Можно ли признать „облекшимся во Христа“ Феодосия Великого, если в силу его приказаний (может быть, слишком усердно выполненного) убито было в ипподроме несколько тысяч солданы и Амвросий Медиоланский, как прямой представитель церкви, должен был воспретить ему вход во храм. Но тот же Феодосий, с другой стороны, по замечанию Терновского, обнародовал свое исповедание веры, как обязательное для всех подданных, в указе, имевшем тон военного деспотизма: „Мы желаем, чтобы все подвластные нам народы содержали веру, преданную римлянам св. апостолом Петром“ (121). Последнее же слово его было: „Я на врагов Иисуса Христа смотрю как на своих собственных“ (129), другими же словами, он готов был и их избивать, как тех, которых велел избить в цирке. За это-то у некоторых духовных писателей, допу-

скавших такое смешение Божьего с кесаревым, Феодосий величается царем всехвальным, оставившим по себе приснопамятную славу (134)» (с. 425—426). В другом месте Миллер указывал: «К законам против еретиков, — говорит без всякого порицания Созомен, — Феодосий Великий присовокупил и тяжкие наказания, не приводя их однако же в исполнение, потому что хотел не наказывать подданных, а только постращать их, чтобы они одинаково с ним мыслили о Боге» (с. 429—430). Саламан Эрмий Созомен (ок. 400—450) — византийский историк и адвокат, автор «Церковной истории».

⁷ Слова из Гал. 3: 27, используемые в православном богослужении в чине таинства крещения и несколько раз в году во время литургии (в Великую субботу, на Пятидесятницу, в Рождество Христово, Богоявление и Лазареву субботу). Миллер писал: «...считавшие себя опекунами и покровителями церкви византийские императоры плохо вслушивались в богослужебный стих „елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь“. И далее, используя одну и ту же риторическую фигуру, „Можно ли признать „облекшимся во Христа“...?“ автор называл Феодосия Великого, Юстиниана, Льва Фракиянина, приводя примеры их жестокости и религиозной нетерпимости (с. 425—426).

⁸ Тропарь воздвижения Креста Господня. Миллер писал: «Когда церковь оглашается пением тропаря: „Спаси Господи люди твоя и благослови достояние твое, победы благоверному императору нашему на сопротивные даруя“, — невольно приходит на память, что тропарь этот пелся пред Ираклием, который освободил из персидского плена и снова водрузил на поклонение верным Крест Господень (при нем и установлен праздник Воздвижения), но царствование которого началось с того, что он велел отсечь своему предшественнику Фоке руки и ноги, а затем изрезать его живым на куски! Говорить ли о том, как вдова Ираклия и его сын, по определению благоверного синклита, отправлены были в ссылку — она с урезанием языка, а он с урезанием носа? Вспоминать ли о Константине Погонате, урезавшем носы своим двум братьям и после этого продолжавшем, как бы в насмешку, в течение 12 лет титуловать их августами, или о последнем Ираклиде Юстиниане, по прозвищу Ринотмет, снова водворившемся после своего свержения с престола и искалечения и оставившем по себе такую память, что каждый раз, когда он снимал золотой покров со своего изуверченного носа для того, чтобы омыть и проветрить его, — это было предвещением казни кого-либо из действительных или мнимых царских лиходеев. (...) Как бы ни было, но все эти отступники духа веры и благочестия величались „благоверными“ и „благочестивейшими“» (с. 426—427).

⁹ Находился на Тверской улице, позднее перестроен, ныне дом 13.

¹⁰ Иверская часовня со списком Иверской иконы Божией Матери — особо почитаемая московская святыня, находится у ведущих на Красную площадь Воскресенских ворот (построена в 1791 г., разрушена в 1929 г., воссоздана в 1994—1995 гг.). Проводы добровольцев для помощи Сербии, воюющей с Турцией, а вместе с ними походной церкви и знамени происходили 27 августа 1876 г. См.: *Тютчева А. Ф.* При дворе двух импера-

торов: Воспоминания и дневники. М., 2004. С. 523—525; Москва — Сербия. Белград — Россия: Сб. документов и материалов. Белград; М., 2011. Т. 2: Общественно-политические связи 1804—1878 гг. С. 450—451 и др.

¹¹ Речь о событиях Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

¹² Очевидно, Миллер позднее исправил это место. В опубликованном тексте оно выглядит так: «Но образ мыслей св. Григория, по замечанию Терновского, далеко не всеми православными был разделяем» (с. 423—424), однако у Терновского было именно «Благородный образ мыслей св. Григория» (Терновский Ф. А. Грековосточная церковь в период вселенских соборов. С. 125).

¹³ Имеется в виду статья, опубликованная в «Новом времени» при посредничестве Н. С. Лескова (см.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1959. Т. 11. С. 269—273). Первая ее часть вышла под названием «Митрополит Филарет. Его научное и общественное значение» (1883. № 2466. 9 янв. С. 1—2); вторая — «Митрополит Филарет как церковно-общественный деятель» (1883. № 2467. 10 янв. С. 1; № 2468. 11 января. С. 1). На содержащуюся в ней критику митрополита Филарета Аксаков ответил в передовой статье своей газеты «Русь» (1883. 17 янв. № 2. С. 7—10).

¹⁴ Петр Гаврилович Лебединцев (1819—1896) — священник, автор работ по истории и церковной археологии; с 1868 г. кафедральный протоиерей Софийского собора в Киеве; один из основателей, а в 1862—1874 и в 1886—1896 гг. редактор журнала «Киевские епархиальные ведомости».

¹⁵ Имеется в виду статья «Епископский сан и монашество» за подписью «Киевлянин» (Русь. 1883. 1 окт. № 19. С. 28—35). Ее публикацию редактор «Руси» сопровождал четырьмя пространными примечаниями, в первом из которых говорил: «Даем место этой статье не потому, чтобы признавали возбуждаемый ею вопрос стоящим на неотложной очереди, требующим скорого практического разрешения, а потому что он, очевидно, в немалой степени интересует наше так называемое „белое духовенство“, — и в таком случае лучше уже ему, вопросу, выйти наружу и чрез свободное обсуждение добиться правильного ответа, чем гнездиться под спудом и смущать умы» (Там же. С. 35).

¹⁶ Описывая уравниательные отношения христиан в «первоначальной церкви», Миллер добавлял: «Таким образом постоянно творилось, так сказать, чудо умножения хлебов — в том иносказательном смысле, в каком обобщает его гр. Л. Н. Толстой» (с. 444).

¹⁷ Указание на цензурные обстоятельства. Книга Л. Толстого «В чем моя вера?», которую имел в виду Миллер, была отпечатана и тут же изъята цензурой в феврале 1884 г. В опубликованном тексте статьи Миллер после упоминания Толстого поставил примечание: «Ссылаясь на неизданное, но столь многим уже известное сочинение нашего знаменитого писателя, я далек от того, чтобы соглашаться с его чисто произвольными отношениями к Евангелию. Мне только кстати припомнилось его глубокомысленное символизирование чуда умножения хлебов. Символизирование

евангельских фактов само по себе, как известно, составляет прием далеко не новый и нередко употреблявшийся церковными писателями. Нам, русским, достаточно вспомнить при этом Кирилла Туровского» (с. 443).

¹⁸ Единственное чудо, описанное во всех четырех Евангелиях (Мф. 14: 14—21; Мк. 6: 32—44; Лк. 9: 10—17; Ин. 6: 1—15). Свое толкование этого и других чудес, совершенных Христом, Толстой предложил в книге «В чем моя вера?». Толстой утверждал: «Ученик Христа сказал ему, что видел у одного человека несколько рыб; у учеников тоже было несколько хлебов. Иисус понял, что у людей, пришедших издалека, у некоторых есть с собой пища, а у некоторых нет. (То, что у многих были с собой запасы, доказывает уже то, что во всех четырех Евангелиях сказано, что по окончании еды остатки собраны в 12 корзин. Если бы ни у кого, кроме как у мальчика, ничего не было, то и не могло бы быть 12 корзин в поле.) Если бы Христос не сделал того, что он сделал, то есть чудо насыщения тысячи народа пятью хлебами, то было бы то, что происходит теперь в мире. Те, у которых были запасы, съели бы то, что у них было, съели бы все через силу даже, чтобы ничего не оставалось. Скупые, может быть, унесли бы домой свои остатки. Те, у которых ничего не было, остались бы голодными, с злобной завистью смотрели бы на ядущих, а может быть, некоторые из них утащили бы у запасливых, и произошли бы ссоры и драки, и одни пошли бы домой пресыщенные, другие — голодные и сердитые; было бы то же самое, что происходит в нашей жизни.

¹⁹ Христос знал, что он хотел сделать (как и сказано в Евангелии), он велел всем сесть кругом и научил учеников предлагать другим то, что у них было, и говорить другим, чтобы они делали то же. И тогда вышло то, что когда все те, у которых были запасы, сделали то же, что ученики Христа, то есть свое предлагали другим, то все ели в меру, и когда обошли круг, то досталось и тем, которые не ели сначала. И все насытились, и осталось еще много хлеба, так много, что собрали 12 корзин.

Христос учит людей, что так сознательно они должны поступать в жизни потому, что таков закон человека и всего человечества...» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1957. Т. 23. С. 431 (репр. изд.: М., 1992)).

¹⁹ Соборное уложение 1649 г. (Уложение царя Алексея Михайловича) — кодекс законов Русского государства, принятый Земским собором 1648—1649 гг.

²⁰ Неточная цитата, в которой соединены элементы церковнославянского и синодального переводов 1-го Соборного послания св. апостола Петра (3: 3—4). Ср.: В синодальном переводе: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом». В церковнославянском: «...но потаенный сердца человек, в неистлении кроткого и молчаливаго духа, еже есть пред Богом многоценно».

²¹ Лк. 17: 20—21.

²² Неточные цитаты церковнославянского перевода Евангелия (Мк. 4: 30—31; Лк. 13: 18—19 и Мф. 13: 33).

²³ Эта цитата отсутствует в опубликованном тексте статьи Миллера.

²⁴ «О сем познавайте Духа Божия и духа лестча» (1 Ин. 4: 2) В синодальном переводе: «Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так...». Лестчий — исполненный лести, коварства (*ц-сл.*).

²⁵ Аллюзия к евангельской притче о пшенице и плевелах. (Мф.13: 24—30, 36—43)

²⁶ Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848—1913) — поэт, в 1870-х гг. выступал в своих стихах против «всепожирающей войны». В 1881—1885 гг. Аксаков шесть раз помещал в «Руси» его стихи. Публикаций А. А. Голенищева-Кутузова в «Русском курьере» не обнаружено. Возможно, Аксаков ошибся, имея в виду публикацию его брата П. А. Голенищева-Кутузова, который периодически печатался в этой газете. 14, 20 и 29 мая Петр Аркадьевич поместил здесь обзор брошюры «М. Д. Скобелев. Этюды по характеристике нашего времени и его героев. Г. К. Градовского. СПб. 1884», подписанный «Гр. П. К.». Как и само издание, ее обзор был посвящен дискредитации Скобелева и «скобелевщины», которая, по словам автора, «занесла в нашу жизнь воскрешенные идеалы милитаризма, шовинистического патриотизма и жажды прославления себя внешними захватами» (Русский курьер. 1884. 14 мая. № 131. С. 3).

²⁷ Аксаков, вероятно, знал об этом от редактора журнала «Русская мысль» С. А. Юрьева. 24 апреля 1884 г., будучи у Юрьева, Толстой беседовал с ним о «непротивлении злу». При этом присутствовал 12-летний племянник хозяина дома. Став народным артистом СССР, Ю. М. Юрьев в своих воспоминаниях рассказывал об этом эпизоде:

«— Что если б на вашу дочь, — говорил Сергей Андреевич, — напал какой-нибудь негодяй и пытался на ваших глазах изнасиловать ее? Что же, вы и тут не стали бы противиться злу?»

^{Лев} Николаевич приостановился на ходу, а потом, не ответив на прямой вопрос, довольно отвлеченно начал развивать мысль, что в каждом человеке, каким бы он ни был злодеем, всегда заложены добрые начала, надо только умело подойти к нему и пробудить в нем эти добрые чувства, дав ему понять, что на него не смотрят уж так безнадежно. Словом, отнестись к человеку с доверием, и тогда в нем проснется совесть и заговорит порядочность.

Сергей Андреевич по существу не отрицал этой теории, (...) но указывал, что бываю разные обстоятельства. В данном же, приведенном им сейчас примере он не видел возможности внезапного воздействия.

Спорили долго, горячо, но наконец, под влиянием доказательств, Лев Николаевич пошел на уступки и к первоначальной своей формуле „не противься злу“ прибавил: „насилием“» (Юрьев Ю. М. Записки. М., 1963. Т. 1. С. 119—121).

²⁸ Парафраз «Не мнози учителя бывайте, братие моя, ведяще, яко большее осуждение приемем: много бо согрешаем вси» («Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большому осуждению, ибо все мы много согрешаем») (Иак. 3: 1—2).

²⁹ После описания сцены крещения в летописи рассказывается: «И была видна радость великая на небе и на земле по поводу стольких

спасаемых душ; а дьявол говорил, стная: „Увы мне! Прогоняют меня отсюда! <...>“. Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, возвел глаза на небо и сказал: „Боже великий, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали Тебя христианские страны <...>“. И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры» (Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 163).

³⁰ К. С. Аксакова.

³¹ В журнале П. И. Бартенева «Русский архив» периодически публиковались документы, связанные с деятельностью славянофилов и в первую очередь А. С. Хомякова. В 1884 г. во 2—й и 5-й книгах журнала были напечатаны статья Хомякова «О сельской общине» и подборки его писем. Аксаков, вероятно, имел в виду письмо Хомякова А. Н. Попову 28 июля 1847 г. Автор его сетовал на неосторожность, проявленную в статьях К. С. Аксаковым, которая, как писал Хомяков, «отчасти происходит от его смелой откровенности». Эта неосторожность, по мнению Хомякова, вызывала строгость цензуры и делала славянофилов уязвимыми перед оппонентами-западниками (Русский архив. 1884. Кн. 2. С. 284).